

Научная статья

УДК 241“14/15”

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.9>

Различная ориентация социально-хозяйственной этики православия в споре «стяжателей» и «нестяжателей» (XV–XVI вв.)

Наталья Александровна Шестовских

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, natshe@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ двух различных ориентаций социально-хозяйственной этики православия, нашедших свое отражение в споре между последователями Иосифа Волоцкого – «стяжателями» и приверженцами Нила Сорского – «нестяжателями», который показал две противоположные точки зрения на хозяйственную деятельность и материальное благосостояние человека и актуализировал специфический спектр вопросов: допустимо ли для Церкви владение собственностью и получение доходов от нее; возможно ли монастырям заниматься хозяйственно-деловыми операциями с землей и стремиться к богатству; может ли активное переустройство земного бытия и благотворительность стать оправданием для богатства. В статье делается вывод о наличии в православной религии потенциала для формирования нравственно-духовных стимулов к осуществлению человеком хозяйственной деятельности и о возможности реализации двух разных практических идеалов христианской жизни.

Ключевые слова: Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, «стяжатели», «нестяжатели», православие, хозяйственная этика, собственность, оправдание собственности

Для цитирования: Шестовских Н.А. Различная ориентация социально-хозяйственной этики православия в споре «стяжателей» и «нестяжателей» (XV–XVI вв.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 75–80. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.9>.

Original article

Different orientation of the socio-economic ethics of Orthodoxy in the dispute between the «Possessors» and «Non-Possessors» (XV–XVI cc.)

Natalia A. Shestovskikh

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,
natshe@mail.ru

Abstract. The article analyzes two different orientations of the socio-economic ethics of Orthodoxy, reflected in the dispute between the followers of Joseph Volotsky – the "Possessors" and the adherents of Nilus of Sora – the "Non-possessors", which showed two opposing views on economic activity and the material welfare of the individual and actualized the specific range of issues: is it permissible for the Church to own property and receive income from it; whether it is possible for monasteries to engage in economic and business transactions with the land and strive for wealth; whether active rearrangement of earthly existence and charity can be an excuse for wealth. The article concludes that there is potential in Orthodox religion to form moral and spiritual incentives for human economic activity and that the two different practical ideals of Christian life can be realized.

Keywords: Joseph Volotsky, Nilus of Sora, the "Possessors", the "Non-possessors", Orthodoxy, economic ethics, property, justification of property

For citation: Shestovskikh, N.A. (2022) Different orientation of the socio-economic ethics of Orthodoxy in the dispute between the «Possessors» and «Non-Possessors» (XV–XVI cc.). *Society: Philosophy, History, Culture.* (5), 75–80. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.9](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.9) (In Russian).

В связи с кардинальными трансформациями, происходящими в российском обществе, проблема духовно-религиозных аспектов экономических отношений становится сегодня особенно актуальной, поскольку именно религия как мировоззренческий и институциональный феномен опосредованно или непосредственно влияет на хозяйственную деятельность людей. Традиционные базовые ценности в России связаны с православием, сопровождавшим большую часть ее истории как наиболее распространенная среди населения страны религия и являющимся символом «русского своеобразия и некоей духовной ценности этого своеобразия» (Каариайнен, Фурман, 2000: 16).

В научных работах, посвященных хозяйственной этике русского православия, существуют разные точки зрения на данную проблему.

Некоторыми исследователями высказываются предположения о «неспособности православия решать рыночные задачи, поскольку оно исходит из принципов государственности, патриотизма, коллективизма (“соборности”)), которые отнюдь не стимулируют индивидуализм и стремление к богатству» (Элбакян, Медведко, 2001: 103). По мнению Т.Б. Коваль, «в русской православной духовной традиции, в отличие от католической, сложилось убеждение, что добродетельность не прямо, а обратно пропорциональна высоте позиции на социальной лестнице» (Коваль, 2014: 189).

Существует иная точка зрения, в соответствии с которой «русское православие может быть вполне совместимо с современным развитием, а православные ценности могут дать органичную основу для модернизации нашей страны, ее вхождения в глобальную экономику»¹.

В поиске ответа на вопрос о принципиальной возможности православной религии формировать духовные стимулы хозяйственной деятельности и определять нравственные критерии экономического поведения в обществе, по нашему мнению, особого внимания заслуживает спор «стяжателей» и «нестяжателей», ставший главным событием в духовной жизни Московского царства XV–XVI вв. Несмотря на то, что отдельные аспекты религиозного мировоззрения «иосифлян» и «нестяжателей» рассматривались многими выдающимися учеными и богословами (Карташев, 2009; Лурье, 1956; Флоровский, 2009 и др.), следует признать недостаточность религиозно-ведческих исследований, посвящённых вопросу социально-хозяйственной этики православия.

Главной темой спора было отношение к монастырскому землевладению и к церковной собственности, но по своей сути это был спор о двух противоположных практических идеалах человеческой жизни вообще и ее хозяйственной части в частности. Как писал А.В. Карташев, «нигде на всем православном Востоке вопрос этот, не в его богословско-теоретической постановке (как это было в греческом исихазме), а в морально-практическом переживании, не достиг такой остроты и совестливой оценки с точки зрения спасительности и святости» (Карташев, 2009: 514).

Спор «стяжателей» и «нестяжателей» в русской культуре показал две полярные точки зрения на материальное благосостояние и поставил перед богословами специфический спектр вопросов: допустимо ли для Церкви владение земельной собственностью и получение доходов от нее; возможно ли монастырям заниматься хозяйственно-деловыми операциями с землей и стремиться к богатству; может ли активное переустройство земного бытия и благотворительность стать оправданием для богатства, не приведет ли это к «обмирщению».

Для постановки указанной проблемы в российском обществе должны были сложиться определенные исторические условия.

Как отмечает А.И. Алексеев, «эволюция монастырской собственности происходила от ранних форм (право на получение доходов с определенного владения) к вотчинному владению в полном смысле» (Алексеев, 2002: 223), и ко второй половине XIV в. именно земельная собственность становится материальной основой обеспечения Церкви. Последовавшее постепенное установление политической стабильности и рост материального благосостояния в сочетании с формированием великокняжеского единодержавия постепенно привели к стагнации вектора духовной жизни Руси, заложенного Сергием Радонежским, и поискам иных опор, в том числе и в духовном спасении. Эсхатологические ожидания в 1492 году, мистические настроения эпохи спровоцировали поиски определенных «гарантий» загробного существования, и влияние монастырей стало поддерживаться распространением поминальной практики и обеспечением её земельными вкладами. В такой ситуации владение ими действительно могло стать соблазном для тех, кто отступал от подлинного аскетического подвига.

Обретение Русской Церковью автокефального статуса наряду с постоянным ростом влияния московских князей, политику которых поддерживали митрополиты, оживление хозяйственно-экономических отношений на Руси определили ориентацию Церкви на расширение и упрочение материальной базы своего существования, а также на усиление роли в государственных структурах. В ее руках быстро сосредоточился огромный земельный фонд.

Однако московские государи, рассчитывавшие на лояльность иерархии, не испытывали сомнений в установлении пределов влияния Церкви: она должна была являться их опорой, а не соперником. Внутренняя эволюция и динамика церковно-государственных отношений не соответствовали представлениям о сильной независимой позиции Церкви. Наличие крепкой материальной основы в виде владения землей в условиях единого государства давало ей возможность реализации своей роли «молитвенницы» и благотворительницы, но в глазах монарха могло стать

¹ Ситников А. Православие и проблемы модернизации России [Электронный ресурс] // Православный Хабаровск. URL: <http://pravostok.ru/blog/pravoslavie-i-problemi-modernizacii-rossii/> (дата обращения: 19.04.2022).

серьезной помехой для централизации власти. Великий князь Иван III давно вынашивал планы изъятия церковных земель в пользу государства, поскольку наличие освоенных свободных земель было крайне ему необходимо для передачи их служилому дворянству, становившемуся основой великокняжеского войска и главной социальной опорой монархии (Зимин, 1977).

Было бы ошибкой рассматривать дискуссионный вопрос о церковном землевладении лишь как результат усилий и стремлений светской власти. К моменту проведения Собора 1503 года в русском обществе уже успели сложиться две концепции монашества и два представления об облике Церкви в целом. Нил Сорский, глава «нестяжателей», и Иосиф Волоцкий, представитель партии «стяжателей», или «иосифлян», стали наиболее яркими выразителями этих двух концепций.

Модель Нила Сорского – это скитский образ монашеского подвига, подразумевающий жизнь немногочисленных иноков в удаленном от мира месте, где они сочетают созерцательную молитву с физическим трудом, которым только и добывают себе пропитание, удовлетворяя свои телесные потребности в минимальном объеме. В сущности, эта схема во многом повторяет лаврский тип египетских монастырей IV в., основоположником которого был Антоний Великий. В кельях Сорского скита разрешалось иметь только книги, иконы и самое необходимое для жизни инока. Содержать в скиту скот не позволялось. Даже в случае невзгод и голода они не должны ни о чем просить «мир», но переносить все тяготы, уповая лишь на Бога. Нил Сорский полагал, что внешний мир, пусть даже в общежительном монастыре, все равно устроен так, что жить в нем праведно невозможно, поэтому надо стать как можно более независимым от него¹. Иноки в Ниловом скиту жили поодиночке в кельях, стоявших на значительном удалении друг от друга, собираясь дважды в неделю в Церковь для участия в богослужении. Скитское монашество не допускало владения землей, тем более сёлами с крестьянами. Хотя на рубеже XV–XVI вв. сам факт этого еще не означал крепостничества в полном объеме, так как до конца XVI в. крестьяне могли покинуть своего хозяина, уйдя на другие земли, однако глубинной сути вопроса о владении «душами» это не меняло. А.И. Алексеев отмечает, что «критиковался не только факт обладания, но и потенциальное стремление к накоплению богатства» (Алексеев, 2002: 183), то есть от материальных благ надо было не отказываться, а вообще не иметь к нему «пристрастия».

Эти взгляды сближали Нила Сорского с воззрениями Сергия Радонежского и с монахами – исихастами Святой горы Афон, где он побывал. Таким образом, «нестяжательство» проявилось на Руси на волне недовольства крепнувшим монастырским и общецерковным богатством и небеспристрастной политической позицией иерархов, но имело философский смысл и глубокие корни во всей предшествующей истории православия. Оно входило в традиционную концепцию идеала монашеской жизни и подразумевало прежде всего внутреннюю духовную молитву, т.е. «умное делание», «трезвение сердца» как ее суть в сочетании с глубоким изучением Евангелия и святоотеческих творений.

Хозяйственная жизнь монахов сводилась к минимуму, она подразумевала даже отказ от ежедневных богослужений и храмового строительства, от широкой благотворительной деятельности. Такой образ жизни и духовный настрой могли выдержать далеко не все, и Нил Сорский отстаивал запрет на постриг непосредственно в скиту, желая, чтобы монахи прежде всего получили опыт в общежительных монастырях. Выступал он и против пострижения неграмотных, что еще более сужало круг возможных его сторонников и адептов. При этом ни от них, ни от его противников не могло укрыться главное – очень мало касаясь внешних правил поведения монахов, весь смысл монашеского подвига и всей деятельности Церкви Нил Сорский видел во внутреннем созерцательном духовном развитии и самосовершенствовании, личной аскезе и покаянии. Спасения предлагалось достигать силой духа, а не с помощью милостыни и заупокойных молитв других людей или тем более хозяйственной деятельностью в любых благих целях.

Как и Нил Сорский, Иосиф Волоцкий отвергал «стяжание» ради личного обогащения, однако делал упор на социальном предназначении Церкви, рассматривая имущество монастырей как средство благотворительности и гарантию сильной и независимой от государства религиозной структуры (Алексеев, 2010). Линия Иосифа Волоцкого – дальнейшее развитие общежительной традиции в монашестве на основе строгой уставной дисциплины. Согласно ей поощрялось монастырское землевладение и рачительное управление им, но ставилось условие, что коллективное богатство монастыря сочетается с личной бедностью каждого монаха и расходуется ими на социальную и культурную деятельность Церкви и общества (Золотухина, 1981). Успенский монастырь Иосифа Волоцкого с самого начала своего существования владел сёлами. Позднее обитель получила новые земельные вклады от удельных и служилых князей и иных крупных землевладельцев. В общей сложности в бытность Иосифа игуменом Волоцкого монастыря обитель получила 27 вкладов в виде новых территорий. Кроме того, обителью было куплено 21 земельное

¹ Нил Сорский. Предание. Устав. СПб., 1912. 91 с.

владение и произведено 10 обменов (Зимин, 1977: 172–173). Жизнь монахов была основана на Уставе монастыря, написанного самим Иосифом (Лурье, 1956) и требовавшего строжайшего соблюдения дисциплины. За нарушение правил полагались детально разработанные наказания в зависимости от тяжести проступка.

Со временем средств для содержания монастыря требовалось все больше: значительно возросло количество монахов, развернулось храмовое строительство, велась широкая благотворительная деятельность. Главным источником их стала упорядоченная поминальная практика. Иосиф Волоцкий сам объяснял, почему совершать заупокойные службы даром для монахов невозможно и на них установлена твердая цена (1 руб. – на год, 50 руб. – «навечно») (Алексеев, 2002: 24).

С точки зрения «нестяжателей», зависимость молитвы от размеров земельного или денежного вклада являлась откровенной симонией, а монастырь, даже в роли благотворителя пропускающий через себя и перераспределяющий богатства, признавался не соответствующим монашескому идеалу, однако сам Иосиф и его единомышленники были абсолютно уверены, что они строго следуют нормам монашеского общежития и православного вероучения.

Обе стороны апеллировали к совершенно разным богословским традициям. По мнению Иосифа Волоцкого, Церковь имела не право собственности, а своего рода право распоряжения на полученные материальные ценности, направляя их на благотворительность и строительство храмов. Поэтому «церковное богатство – это богатство нищих, а характер церковного землевладения, посвященного Богу, является сакральным, и земли отчуждены быть не могут в принципе. Монастырь получает облик рачительного вотчинника-хозяйственника и рассматривает эту деятельность в качестве одной из непреложных задач, в частности, приказчиками по управлению деревнями становятся все те же монахи» (Шестовских, 2019: 74). А.В. Карташев отмечает по этому поводу: «Это положительное отношение к земному благоустройству (ныне сказали бы это – “христианская экономика и политика”) есть простое бесхитрое (без богословских обобщений) древнерусское строительство “Града Божия” на Земле в нашей национальной истории» (Карташев, 2009: 518).

В концепции «иосифлян» по сравнению с «нестяжательством» принципиально иным является понимание самой сути монашества. В отличие от Нила Сорского, Иосиф Волоцкий понимал ее как служение, как «религиозно-земскую службу» (Алексеев, 2002: 50), которую несет активная, сильная Церковь и которая неотделима от земных обязанностей.

Между такими представлениями и нестяжательством, а также наследием Сергия Радонежского имеются серьезные концептуальные различия, однако понятно, почему мирянам, которых и сам Иосиф Волоцкий упрекал за низкий уровень христианского самосознания, его путь был понятнее и ближе. Да и слишком многим из церковных кругов – тоже. В конечном счете Церковь стала подстраиваться под потребности большей части русского общества и единоподданного монарха, укрепляя свое материальное и политическое положение, но не так уж редко отступая духовно. По пессимистическому мнению Г.П. Федотова, именно в этот период берет свое начало «трагедия древнерусской святости», проявившаяся в скорой окостенелости и обмирщении Церкви, «выхолащивании» духовности под давлением мирских интересов (Федотов, 2003).

Следует особо подчеркнуть, что разногласия самих Нила Сорского и Иосифа Волоцкого никогда не принимали крайних форм в виде взаимных обвинений и безапелляционных утверждений своей исключительной правоты. Нил Сорский, соблюдавший обет безмолвия, никого не поучал и вообще уходил от дискуссий. Иосиф Волоцкий, напротив, показал себя незаурядным полемистом, но выпадов против Сорского никогда не допускал. Напротив, усердные и излишне ревностные последователи обоих великих старцев стали с изрядной долей субъективизма толковать их убеждения как взаимоисключающие, так что в деятельности их приверженцев с обеих сторон в равной мере стал проявляться не просто антагонизм, но и откровенная враждебность по отношению друг к другу.

В своих крайних проявлениях «стяжательство», выступавшее за сохранение монастырской собственности, в отрыве от личного внутреннего подвига монахов, к которому призывал Иосиф Волоцкий, превращалось в стремление к комфортному существованию, компромиссу с государственной властью и в итоге – к духовно-нравственной деградации. «Нестяжательство», будучи взятым в своей крайней форме, также вело в тупик: слабая, не обладающая влиянием Церковь становилась бессильной перед лицом государства и не могла оказывать существенного влияния на общественную и культурную жизнь людей.

Традиция, заложенная Иосифом Волоцким, впоследствии стала основой для активного социального действия и для развития хозяйственной этики. В ней собственность и обладание богатством не отрицалось, а приветствовалось при условии, что значительная его часть идет на нужды благотворительности, храмовое строительство и культурно-просветительские цели (Орехов, 2019).

Традиция, ведущая свое начало от Нила Сорского, возродилась в XVIII–XIX вв. и оказала глубокое воздействие на труды и проповеди выдающихся подвижников той эпохи: Димитрия Ростовского, Тихона Задонского, Феофана Затворника и Оптинских старцев (Костюк, 2016). Идеал христианина – «странник» на этой брэнной земле, не привязанный ни к чему мирскому, аскет, чей взор направлен на внутреннее духовное развитие и самосовершенствование. Активная хозяйственная деятельность в этой системе координат представляется бесполезной, а собственность – лишним бременем и тяжким искушением.

По нашему мнению, спор между «стяжателями» и «нестяжателями» имел глубокие религиозно-философские корни, заложенные еще платонической традицией и связанные с двумя разными представлениями о благе, в соответствии с которыми существует две возможности осуществления практического идеала человеческой жизни. В соответствии с первой из них необходимо удалиться от всякой привязанности к мирскому и стремиться к созерцанию Божественной сущности, вторая возможность предполагает сознательное и активное участие человека в делах Бога, в приближении мира и многообразия вещей к своей полноте, что ставит деятельную жизнь выше созерцательной.

Исходя из представленного сравнительного анализа двух различных ориентаций социально-хозяйственной этики в споре «иосифлян» и «нестяжателей» можно сделать вывод о том, что православное учение обладает потенциалом для формирования религиозно-духовных стимулов хозяйственной деятельности. Православная этика, основанная на традиции, заложенной Иосифом Волоцким, может составить основу для мобилизации хозяйственной активности человека. «Мироотреченность» православия является одним из путей монашеского подвига, а не характеристикой всего восточного христианства. Как отмечал русский религиозный философ С.Н. Булгаков, миропонимание православной веры, основанное на дисциплине «аскетического послушания» и «хождения перед Богом ... имеет могучие средства для воспитания личности и выработки чувства личной ответственности и долга, столь существенных как для экономической деятельности, так и для всех видов общественного служения»¹.

Русская православная церковь признала святость обоих подвижников – и Нила Сорского, и Иосифа Волоцкого, подчеркнув тем самым возможность осуществления двух практических христианских идеалов хозяйственной жизни. Но сумела ли она на практике примирить их? Этот вопрос остается открытым.

Список источников:

- Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XVI–XVI вв. СПб., 2002. 352 с.
Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. 390 с.
Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. 356 с.
Золотухина Н.М. Иосиф Волоцкий. М., 1981. 96 с.
Каарияйнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России. СПб. ; М., 2000. С. 7–48.
Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 2009. Т. 1. 783 с.
Коваль Т.Б. Религия и экономика: труд, собственность, богатство. М., 2014. 350 с.
Костюк К.Н. История социально-этической мысли в Русской православной церкви. СПб., 2016. 448 с.
Лурье Я.С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого - памятник идеологии раннего иосифлянства // Труды Отдела древнерусской литературы. 1956. Т. 12. С. 116–140.
Орехов А.М. Философия экономики в России: рождение традиции. М., 2019. 154 с.
https://doi.org/10.12737/monography_5ba0ef445c36f6.69236473
Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 2003. 700 с.
Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М., 2009. 848 с.
Шестовских Н.А. «Две правды» в споре стяжателей и нестяжателей // Семнадцатый славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании. Челябинск, 2019. С. 72–76.
Элбакян Е.С., Медведко С.В. Влияние религиозных ценностей на экономические предпочтения верующих россиян // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 103–111.

References:

- Alekseev, A. I. (2002) *Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti kontsa XVI–XVI v. [Under the Sign of the End of Time. Essays on Russian Religiosity of the Late XVI–XVI Centuries]*. Saint-Petersburg. 352 p. (in Russian).
Alekseev, A. I. (2010) *Sochineniya Iosifa Volotskogo v kontekste polemiki 1480–1510-kh gg. [The Writings of Joseph Volotsky in the Context of the Polemics of the 1480s–1510s.]*. Saint-Petersburg. 390 p. (in Russian).

¹ Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/narodnoe-hozhajstvo-i-religioznaja-lichnost/ (дата обращения: 06.05.2022)

- Elbakyan, E. S. & Medvedko, S. V. (2001) Vliyaniye religioznykh tsennostei na ekonomicheskie predpochteniya veruyushchikh rossiyan [The Influence of Religious Values on the Economic Preferences of Russian Believers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. (8), 103–111 (in Russian).
- Fedotov, G. P. (2003) *Svyatye Drevnei Rusi [Saints of Ancient Russia]*. Moscow. 700 p. (in Russian).
- Florovskii, G. V. (2009) *Puti russkogo bogosloviya [The Ways of Russian Theology]*. Moscow. 848 p. (in Russian).
- Kaariainen, K. & Furman, D. (2000) Religioznost' v Rossii v 90-e gody [Religiosity in Russia in the 90s]. In: *Starye tserkvi, novye veruyushchie: religiya v massovom soznanii postsovetsoi Rossii*. Saint-Petersburg ; Moscow, pp. 7–48 (in Russian).
- Kartashev, A. V. (2009) *Ocherki po istorii Russkoi Tserkvi [Essays on the history of the Russian Church]*. Vol. 1. Moscow. 783 p. (in Russian).
- Kostyuk, K. N. (2016) *Istoriya sotsial'no-eticheskoi mysli v Russkoi pravoslavnoi tserkvi [The History of Social and Ethical Thought in the Russian Orthodox Church]*. Saint-Petersburg. 448 p. (in Russian).
- Koval', T. B. (2014) *Religiya i ekonomika: trud, sobstvennost', bogatstvo [Religion and Economics: Labor, Property, Wealth]*. Moscow. 350 p. (in Russian).
- Lur'e, Ya. S. (1956) Kratkaya redaktsiya «Ustava» Iosifa Volotskogo - pamyatnik ideologii rannego iosifyanstva [A Brief Edition of the «Charter» of Joseph Volotsky is a Monument to the Ideology of Early Josephism]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. 12, 116–140 (in Russian).
- Orehov, A. M. (2019) *Philosophy of Economics in Russia: Birth of Tradition*. Moscow. 154 p. Available from: https://doi.org/10.12737/monography_5ba0ef445c36f6.69236473 (in Russian).
- Shestovskikh, N. A. (2019) «Dve pravdy» v spore styazhatelei i nestyazhatelei [«Two Truths» in the Dispute of the Possessors and Non-Possessors]. In: *Semnadtsati slavyanskii nauchnyi sobor «Ural. Pravoslavie. Kul'tura»*. Mir slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury v pravoslavii, sotsiogumanitarnom poznanii. Chelyabinsk, pp. 72–76 (in Russian).
- Zimin, A. A. (1977) *Krupnaya feodal'naya votchina i sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii (konets XV–XVI v.) [Large Feudal Patrimony and Socio-Political Struggle in Russia (Late XV–XVI Centuries)]* Moscow. 356 p. (in Russian).
- Zolotukhina, N. M. (1981) *Iosif Volotskii [Joseph Volotsky]*. Moscow. 96 p. (in Russian).

Информация об авторе

Н.А. Шестовских – ассистент кафедры философии и социологии Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=990178.

Information about the author

N.A. Shestovskikh – assistant professor of Department of Philosophy and Sociology of V.F. Yakovlev Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=990178.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.